

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

доктора исторических наук, доцента

Рыжова Игоря Валерьевича

на диссертацию Жигульской Дарьи Владимировны

«Эволюция алевизма в Турции в XX-XXI вв.»,

представленную, на соискание учёной степени доктора

исторических наук по научной специальности 5.6.2. Всеобщая история

Диссертационное исследование Д.В. Жигульской, представленное на соискание ученой степени доктора исторических наук, является актуальной и во многом, новаторской работой, которая заполнила многие существующие до сих пор пробелы в современном востоковедческом знании на тему алевизма в Турции. Отсутствие унифицированного подхода к изучению алевизма, противоречивые идентификационные критерии принадлежности к алевитам, в определенной мере усложняют процесс изучения этого комплексного этносоциорелигиозного явления, а его недостаточная изученность и растущая социо-политическая роль, как в Турции, так и на транснациональном уровне — обуславливают актуальность диссертации соискателя.

Исследование Д.В. Жигульской дает ответ на вопрос, что такое турецкий алевизм, почему отождествление алевитов с другими шиитскими течениями в исламе (прежде всего, с арабским алавизмом), а также группами, которые в западной традиции принято называть “Shia inclined communities”, методологически неверно, ведет к терминологическим подменам и ошибочным выводам. В своей работе она детально исследовала внутреннюю гетерогенность алевизма в Турции, указав на то, что здесь главным образом можно выделить два течения — алевизм, который практикует турецкое и курдское население страны. Поэтому автор абсолютно оправданно избегает использования обобщающего термина «турецкий алевизм», так как он указывает на этническую принадлежность как определяющий маркер

идентичности. Авторскую характеристику алевизма в качестве «этносоциорелигиозного» явления также нахожу весьма удачной: долгое время этнический элемент алевизма замалчивался под влиянием турецкой националистической идеологии. Желание изобразить алевитов как «истинных тюрков» характерно для раннереспубликанской историографии. В этом смысле критику работ М.Ф. Кёпрюлю и парадигмы изучения алевизма, которую использовали его последователи (пятый раздел первой главы диссертации), также стоит считать сбалансированной, уместной и необходимой для правильного восприятия алевизма.

Д.В. Жигульская справедливо отмечает все еще существующую онтологическую неопределенность алевизма, вызванную во многом его внутренней неоднородностью, с одной стороны, и непрекращающимся процессом развития – с другой. Ситуация осложняется тем, что этот процесс в определенном смысле политически ангажирован, зачастую испытывает влияние внешних акторов. В этом смысле справедливо говорить, как об эндогенных, так и экзогенных трендах эволюции алевизма.

Хронологические рамки исследования охватывают республиканский период в истории Турции, что представляется весьма оправданным подходом: в Османской империи алевиты подвергались жестоким притеснениям со стороны властей, порицанию общества, и были вынуждены вести закрытый образ жизни, поэтому те немногочисленные сведения об алевизме, которые доступны науке и относятся к османскому периоду, в основном субъективны и тенденциозны.

Структура диссертации четко выверена, отвечает поставленной цели и задачам диссертации. Первая глава «Алевизм в Турции в историческом дискурсе» выявляет наиболее актуальные концептуально-методологические проблемы современных исследований на тему алевизма. В частности, историографический раздел достаточно педантично классифицирует доступные исследования алевизма преимущественно в Турции и на Западе согласно тематике и дает качественную оценку этих работ. Вторая глава

диссертации «Региональные особенности алевитского вероучения в Турции» посвящена основам алевитского вероучения и его региональной специфике. Автор с присущей ей скрупулёзностью описывает ключевые элементы алевитского ритуала и его социальные институты. Особенного упоминания заслуживает вывод автора, касающийся различного восприятия божественного у азиатских алевитов и арабских алавитов. До сих пор это отличие не было сформулировано так кратко и принципиально: в то время как у первых Бог имманентен, у вторых – он трансцендентен. Несомненно, этот вывод стоит считать концептуальным прогрессом в знании об алевизме. Третья глава «Политизация алевизма в Турции в XX веке» подробно описывает участие алевитов в политической жизни Турции: как объекта и актора этих процессов. Автором предложена условная периодизация политизации алевизма с характерными для нее признаками. Это также стоит считать новым словом в исследовании алевитской проблематики. Четвертая глава диссертации «Современное состояние алевизма в Турции и Европе» посвящена актуальным проблемам алевитского движения на транснациональном уровне. Весьма подробный анализ особенностей алевитского движения в Германии на примере взаимоотношений с властями различных федеративных земель и на общенациональном уровне может служить модельным объектом в оценке взаимоотношений меньшинств с местными органами самоуправления, а также регионального законодательства и правоприменительной практики. Пятая глава «Алевизм как социокультурное явление» впервые в российской науке освещает такую проблему как алевизм в искусстве. Тема алевизма в литературе, например, настолько глубока, что заслуживает отдельного самостоятельного исследования, возможно, в виде монографии. В заключении подводятся итоги исследования, приводятся рекомендации и перспективы дальнейшей разработки темы. В целом стоит отметить логичную структуру работы, которая не вызывает никаких нареканий. Выводы, сделанные автором в Заключении работы, хорошо обоснованы, базируются на достоверном

материале, полностью отвечают поставленной цели, задачам и естественно соотносятся с положениями, выносимыми на защиту.

Труд Д.В. Жигульской построен на солидной и разнообразной источниковой и историографической базе, основан на широком круге официальных документов, впервые вводимых в научный оборот. Наряду с редкими и весьма ценными источниками, посвященными доктрине кызылбашей / алевитов и бекташи, а также алавитов Турции, в особенности, хотелось бы отметить использование соискательницей партийных документов, таких как, например, устав и программа первой политической партии алевитов – Партии единства (Турции), а также Ежегодных докладов Еврокомиссии о прогрессе Турции на пути вступления в ЕС. Эти источники проливают свет на механизмы политизации алевизма, его социальной трансформации и формирования транснационального алевитского движения.

Особым достоинством работы видится проведенный автором анализ процессов десакрализации алевизма. На примере комплексного анализа, присущих турецким алевитам практик, автор демонстрирует основные черты самофольклоризации и десакрализации алевизма. Наиболее яркую иллюстрацию процесса десакрализации автор усматривает в утрате алевитской танцевальной традиции своей сакральной функции. Из сакрального обряда единения с божеством алевитский танец (джем) все в большей степени приобретает черты демонстрационного действия с превалированием развлекательной функции. Также отметим проанализированные автором масштабные концерты алевитских общин за пределами Турции. Проводимые для широкой аудитории, мероприятия подобного формата ставят целью не воспроизведение традиционных алевитских практик, но скорее видоизменяют сам алевизм, позиционируя его как экзотический объект изучения и наблюдения.

Проведенный автором дискурс-анализ отражения алевизма в литературе также является бесспорным достоинством оппонируемой диссертации. Посредством исследования художественных произведений,

затрагивающих тематику алевизма, автор анализирует и социальный контекст, в котором существует алевизм.

Научная новизна состоит в разработанной Д.В. Жигульской авторской концепции алевизма в Турции, которая учитывает его исторические корни, географические рамки распространения, этническую, лингвистическую и социальную структуру, а также внутреннюю гетерогенность данного феномена. Кроме того, применение эссенциалистского и антиэссенциалистского подходов к изучению алевизма, исследование влияния внешних идентичностей, идеологических нарративов на его трансформацию позволяет обеспечить многосторонний и наиболее объективный подход к анализу алевитской проблематики. Особое значение работе придает тот факт, что автор исследует алевизм в динамике, а не в статике, учитывает социополитические, а нередко и конъюнктурные изменения, влияющие на его эволюцию.

Значимость результатов исследования обусловлена её комплексным теоретико-прикладным характером, сочетанием глубоких теоретических построений и осознанных на них важных практических рекомендаций. Считаю необходимым включение основных результатов работы в учебные курсы по ближневосточной, тюркологической, политологической и религиозной проблематике, преподаваемые в российских вузах. Кроме того, результаты исследования стоит учитывать в работе внутри- и внешнеполитических, а также аналитических ведомств России, например, МИД РФ, ФАДН РФ и других.

Представляется весьма перспективным, необходимым для науки и практического применения продолжить работу по исследованию трансформации религиозной традиции алевитов под влиянием светской идеологии. Сегодня в среде исследователей алевизма нередко можно услышать утверждения о том, что алевизм давно вышел за рамки религии и не просто представляет собой набор идеалов и символов, который формирует основу светской этики, но даже претендует на название незрелой светской

религии. Вопрос взаимовлияния современных и традиционных ценностей, трансформации религии и абсорбции (или отвержением) ею светских идеалов крайне важен для изучения социальных процессов в поликонфессиональных обществах, активно участвующих в транснациональных процессах.

При всех высоких достоинствах работы, следует остановиться на замечаниях и упущениях, а также задать ряд уточняющих вопросов и дать рекомендации автору.

1. Во втором разделе четвертой главы «Институт религиозных лидеров деде и дифференциация религиозной власти в современном алевизме» автор диссертации лишь вскользь затрагивает такую важную для понимания современного алевизма проблему, как его феминизация. Учитывая влияние глобальных процессов и транснациональный характер современного алевитского движения, полезно было бы остановиться на этом вопросе более основательно, осуществить подробный анализ проблематики и снабдить его актуальными примерами. Также отметим, что снижение роли деде как хранителей алевитской традиции, в теории может быть компенсировано переходом традиционных практик в сферу частной жизни алевитских сообществ. Могут ли женщины алевитских общин занять нишу хранителей и передатчиков религиозного и культурного знания?

2. Пятая глава диссертации рассматривает алевизм как социокультурное явление. Подробным образом впервые в отечественном востоковедении описывается тема алевизма в искусстве: литературе, кинематографе и музыке. Однако, автор диссертации не касается вопроса изображения алевитских сюжетов в изобразительном искусстве. Возникает вопрос: можно ли говорить о существовании алевитского изобразительного искусства, а если нет, то почему? Кроме того, исследуя столь многокомпонентную социо-религиозную общность, как алевизм, необходимо отдельно осветить влияние ислама на алевитскую изобразительную

традицию. Допускает ли алевизм изображение живых существ? Можно ли выделить религиозно-идеологические направления в алевитской живописи?

3. Исследуя процессы снижения авторитета алевитских лидеров (деде), автор не отвечает на вопрос, кто (или что) вытесняет институт деде в качестве хранителя традиций алевизма? Схожие процессы довольно часто протекают в религиозных сообществах, находящихся под давлением государственных институтов. Так, в некоторых мусульманских сообществах России и постсоветского пространства роль религиозного авторитета и одновременно хранителя религиозно-родовых традиций в условиях государственного религиозного давления заняли женщины, для которых подобная социальная роль не была характерна в периоды бесконфликтной, спокойной жизни сообщества. Происходят ли подобные процессы в алевитских общинах Турции? Имеются ли предпосылки для трансформации института деде? Ответ на данные вопросы, как нам кажется, мог бы улучшить диссертационное исследование.

4. Крайне перспективным направлением исследования нам также представляется анализ взаимодействия дискурса покаяния в Германии и встраиваемого алевитскими общинами нарратив о трагических событиях в Сивасе. Несмотря на то, что автор отмечает сопоставление сивашских событий и преступления нацистских концентрационных лагерей, проблематика роли бытующей в немецком обществе риторики покаяния в восприятии выстроенного алевитскими обществами нарратива остается нераскрытой. Ответ на вопрос, каким именно образом алевитское видение событий в Сивасе встраивается в характерный для современной Германии дискурс покаяния, мог бы вывести автора на более широкое поле исследования.

5. Несмотря на достаточно полное изучение как самого алевизма, так и его репрезентации в турецком обществе и за его пределами, автор обходит вниманием важнейшую составляющую любого комплексного рассказа общества о самом себе. Исторический нарратив, связно изложенная

последовательность событий, фиксирует основные аксиологические установки общества, позиционирует его во времени и пространстве, равно как и обозначает условных «сторонников» и «противников» сообщества. В религиозно заряженной обстановке Ближнего Востока, где убийство Али до сих пор определяет отношения между народами и государствами, конструирование и продвижение исторических нарративов является неотъемлемой частью борьбы за симпатии населения. Для притесняемых, вытесняемых на периферию общественной жизни сообществ, каким являются и турецкие алевиты, конструирование исторического нарратива является особенно важным делом. Именно вокруг травматических событий прошлого происходит сборка идентичностей, а сами географические локации (такие, как Кербела, или Сивас) являются местами памяти сообщества. Алевитский нарратив представляется нам как повествование о многовековом притеснении, начиная с битвы при Кербеле и убийства Хусейна и заканчивая поджогом отеля в Сивасе. Столь длительное историческое повествование, вероятно, также имеет собственную структуру, анализ которой мог предоставить дополнительные данные как о конструируемом самими алевитами травматическом повествовании, так и о самовосприятии алевитской общины.

6. Особо важным фактором, отмеченным автором, нам видится представление алевизма как особой формы ислама с тюркским компонентом. Полагаем, что анализ присутствия тюркских составляющих алевизма является особенно перспективным направлением дальнейших изысканий, равно как и фрагментов доисламской традиции, оставшихся в современном алевизме.

Впрочем, сделанные замечания носят рекомендательный характер и не влияют на общую высокую оценку данного труда.

Результаты диссертационного исследования Д.В. Жигульской прошли апробацию в рамках всероссийских и международных конференций. Основные положения отражены в многочисленных научных работах автора.

Автореферат диссертации полностью отражает содержание текста рукописи работы.

Таким образом, можно заключить, что диссертация Дарьи Владимировны Жигульской «Эволюция алевизма в Турции в XX-XXI вв.» является новаторской исследовательской работой высокого научно-теоретического уровня, которая содержит решение крупной научной проблемы, имеющей важное социо-политическое и культурное значение, соответствует паспорту специальности и профилю диссертационного совета.

Диссертация отвечает требованиям пп. 9-14 «Положения о порядке присуждения учёных степеней», утверждённого постановлением Правительства РФ 24 сентября 2013 г. № 842 в ред. 26.09.2022 г., а её автор Жигульская Дарья Владимировна заслуживает присуждения учёной степени доктора исторических наук по специальности 5.6.2. Всеобщая история.

Официальный оппонент:

доктор исторических наук, доцент,

заведующий кафедрой истории и политики России

Института международных отношений и мировой истории

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский

Нижегородский государственный университет

им. Н.И. Лобачевского»

Рыжов Игорь Валерьевич

11.02.2023

603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

<http://www.unn.ru/>

+7 (831)462-30-03

unn@unn.ru

